

Мила БОРН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Рассказ

*Я взглянул, и вот конь белый,
и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец...*
Откр. 6:1-2

Она брела в тяжелом, густом тумане, раздвигая большими сапогами, не по ноге ей, мокрую, прилипающую к резине траву. Звала его. Все больше по имени. Но иногда голос ее западал от всхлипываний, и она переходила на совсем простое:

– Сынок, сынок!

А туман обволакивал ее так плотно, что казалось, будто бы она погружается в какую-то мутную озерную воду, и голос в этой воде становится неузнаваемым и глухим. Поэтому никто и не откликается на зов, – думалось ей. Где-то совсем близко от нее кто-то невидимый тоже раздвигал травы и шел как будто навстречу ей. Она замирала в надежде. Даже переставала дышать. И вдруг из тумана, мотая крепкой головой и раздувая большие ноздри, выходил неторопливо конь. Без седла и без всадника. Был он всегда белоснежно-белый, с серебряной тонкой нитью в спутанной дикой гриве. Не опасаясь, конь подходил близко-близко, тыкался розовой мокрой мордой в ее ладонь. Как будто просил хлеба. Но у нее не было ничего. Она гладила его скуластую теплую морду и говорила одно и то же:

– Я потеряла сына. Ты не видел его?

Конь тревожно прислушивался к голосу. Смотрел удивленным, навывкате, синим глазом и, не понимая человеческой речи, растворялся в тумане так же обыкновенно, как и пришел. А она оставалась. Шла дальше по мокрому луговому бездорожью и видела, как в сером тумане, на земле, повсюду лежали разметавшиеся люди – то ли спящие, то ли захмелевшие, то ли какие еще. Она не успевала понять, потому что к тому моменту уже просыпалась.

Серафима разлепила сухие, тяжелые веки и уставилась в темное окно. За хлипкой и узкой рамой медленно разливалась тонкая синяя полоса. Пора было вставать. Она от-

Мила Борн родилась в 1972 году в Волгограде. Окончила Литературный институт им. Горького и сценарный факультет ВГИКа. Публиковалась в российских и зарубежных изданиях: «Артикуляция», «Фабрика литературы», «Вторник», «Литоскоп», «Литература», «Берлин. Берега», «Зинзивер», «Новая Юность» и др. Автор книги рассказов «Голодный остров» (М.: Стеклограф, 2020). В «Волге» публиковались рассказы (2021, 2023).

кинула ватное одеяло и опустила ноги на заледеневший за ночь пол. Оперлась рукой о грядущку. Тяжело поднялась. На ощупь пошла по спящему дому. Возле угла наклонилась, поплескала ладонями на лицо из цинкового ведра. Глубоко вздохнула. Сонная слабость начинала отпускать ее. Включила электрочайник. Выставила на стол посуду. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить соседей, Серафима отрезала край от хлеба, отделила половину от рыхлого творога, откинутого еще вчера. Подоспел чайник. Серафима бросила чайную щепотку в черное от каждодневных завариваний горло кружки и залила шипящей водой. Села подождать. Синее за окном светлело и ширилось. Она торопливо позавтракала. Потеплее оделась – в вязаную кофту и куртку. Взяла с собой шапку. Обулась в сапоги. Завернула и хлеб, и творог в вошеную бумагу, положила в холщевую сумку вместе с ключом, паспортом и стареньким мобильным. Посидела, как принято, на дорожку и вышла, прикрыв за собой тяжелую дверь.

На станцию отправилась через поле. Потом пошла вдоль линии электрических фонарей по деревенской дороге, выложенной бетонными плитами. Там еще спали. И лишь во дворе одного из домов чуть заметно теплился слабый желтый огонек. Было слышно, как маялась родами корова. Человеческий голос, хлопотавший около, ее утешал. Серафима остановилась, прислушалась. Голос был тревожным и заспанным. Человек, невидимый в сумерках, охаживал метущегося зверя, как доктор умаявшегося больного, перебивая своими заговорами боль. В воздухе пахло чем-то острым. Серафима запустила озябшую руку в холщевую самопальную сумку, перекинутую через плечо, выудила оттуда мобильный, засветила неонов в темноте, проверила время. До электрички оставался еще час. Она прибавила шаг. Обогнула по западу дубовую рощу. Свернула на вытопанную тропинку вдоль задников новых кирпичных дач. И, совсем уже сбившись с дыхания, вышла наконец к асфальтированному кругу маршрутных автобусов, а там, перебравшись через железный мост, и на станцию.

В помещении с кассами было и сонно, и тепло, хотя пахло чем-то затхлым и неживым. Серафима купила билет и села ждать электричку. Каменный пол на станции был неровно влажным, напоминавшим акварельный рисунок вьюги. Слышалось, как невидимая полойка елозит своей шваброй по залу и гремит железным ведром, заставляя тревожно спящую под лавкой дворнягу поднимать и поднимать голову. А пока Серафима ждала, мимо станции промчался товарняк, за ним скорый. И тогда она представила, как хорошо там, наверное, в натопленных, мягких плацкартах и купе, как покачиваются в своем сонном обмороке, словно в колыбелях, пассажиры дальнего пути, нагруженные разнообразной кладью, застрявшие между свободой странника и цепной привязанностью к дому, в который, как ни обманывайся, возвращаешься всегда, потому что если не домой, то куда человеку еще возвращаться. И если бы у скорого было право остановиться на этом никому не известном полустанке с выцветшим от дачного лета, ситцевым каким-то названием, то наверняка среди спящих пассажиров мог бы оказаться и он, ее сын. Но она знала, что его там нет. И быть не могло, потому что скорый всегда проносился мимо этого полустанка и шел дальше, до самой Москвы, а уже там, на своей то ли конечной, то ли исходной, всех выгружал, чтобы забрать новых. И так бесконечно.

До электрички оставалось всего пятнадцать минут. Серафима заторопилась. Оперлась на затекшие от долгой дороги ноги, поднялась и пошла на пустующую платформу.

С оглушительным визгом электричка врезалась в тишину станции, остановилась и впустила в свое нутро, шибяющее запахом креозота и греющего котла. Серафима угнездилась в вагоне, где несколько станций подряд находилась совсем одна. По субботам никто не ездил в такую рань. Она смотрела через потеющее оконное стекло на убегающие обратно к станции елки, хлипкие крыши сараев и беременные поля, со всех сторон заботливо подоткнутые тяжелым одеялом тумана – седого, непроницаемого, за которым, быть может, и бродит он, тот белый конь из снов Серафимы, среди высокой и мокрой травы, принохивается к лежащим там то ли спящим, то ли убитым, но на самом деле ищет, чтобы уткнуться в теплую живую ладонь. Он-то знает, знает, куда исчез ее сын. Иначе не приходило бы к ней в мучительных снах, не тревожил бы ее горькое прошлое.

За полчаса до Москвы в вагон, где сидела Серафима, стали мало-помалу набиваться люди. Ранние пассажиры, шумливые, пестрые, спешащие на работу в столицу, и дачники, сбежавшие от сырых ночей обострившейся холодом осени, и частники с большими эмалированными ведрами, замотанными поверху холщевыми полотенцами – так, что через них проступала густая кровь последних, поздних плодов на продажу. Люди толкали друг друга, гомонили, передавая с рук на руки детей, сумки, вещи. И когда вагон наконец выплюнул всех до одного в тупике Павелецкого, Серафима, которая выбралась самой последней, с облегчением выдохнула. Осмотрелась

За последний месяц тут ничего не изменилось. Разве что верхушки тополей немного пожухли, а из тех, кто к зиме не улетел, остались разве что ленивые голуби и суетливо снующие воробьи. У входа в вокзал толстая и румяная баба, как всегда, продавала сосиски, запеченные в сдобном тесте. Около эскалатора дремали бомжи. Продавец свежих газет спешно завтракал, откусывая от самодельного домашнего бутерброда и запивая дымящимся кофе из пластикового стаканчика. Серафима остановилась перевести дух. Суета городской жизни, от которой она давно отвыкла, кружила ее и наполняла голову каким-то неприятным, навязчивым звоном. Она села передохнуть в замызганном при- вокзальном кафе. Попросила чаю. Из холщовой сумки достала творог и хлеб. Неторопливо поела и запила несладким, бледно заваренным чаем. Потом с наслаждением вытянула под столом уставшие и замерзшие ноги. Посидела еще немного, слушая, как раскатистый, но еще сонный голос диспетчера разливается по всему вокзалу, раскачивая человеческую толпу, безостановочно убывающую и прибывающую в город.

Наконец она поднялась. Сходила в привокзальный туалет, тщательно вымыла руки. И потом тихим ходом пошла по эскалатору вниз. Спустилась в метро. Одолела две пересадки, которые помнила хорошо и совсем не боялась заблудиться в переходах большого города. На нужной станции выбралась из-под земли и, привыкая к уже разошедшемуся утреннему свету, медленно побрела вглубь тихого спального района с однообразными панельными многоэтажками.

Этой дорогой она ходила много раз. Так много, что и с закрытыми глазами ни за что бы не заблудилась. Только теперь, когда время поменяло всему места, Серафиме стало казаться, что здесь ее никто больше не узнает. Или, может, люди, городские, без крепкого гнезда, привыкшие метаться с места на место, успели так изменить окружающее пространство, что она, выпавшая из него, сама больше не узнавала никого и ничего.

Серафима дернула на себя дверь подъезда, шагнула в его загхлый, вонючий полумрак. Заглянула в почтовый ящик – пусто. Вызвала лифт, который, скрипя и покачиваясь, до-

тянул ее до последнего этажа. Вышла. Достала из холщовой сумки ключ. Приглядываясь к темноте, нащупала замочную скважину и повертела в ней. Дверь, заскрипев старым, потрескавшимся дерматином, поддалась, оторвавшись от дверного проема. Изнутри на Серафиму дохнуло полузабытым теплом.

Она вошла. Постояла немного в прихожей, будто бы не решаясь шагнуть дальше, в комнату. Или, может, прислушивалась, не вернулся ли кто до нее. Нет, не вернулся. Аккуратно разулась, поставив сапоги возле самого входа. Вошла в комнату и устало опустилась на диван. Осмотрелась. Все было здесь унылым, расхристанным. Мятое, давно не стиранное постельное белье лежало разметанным по дивану. На спинке стула висела застиранная мужская рубашка, один рукав у которой застрял вывернутым наполовину, словно к приходу Серафимы не успел завершить положенный всем вещам порядок. На полу в опасном нагромождении толпилась невымытая посуда. Телевизор, выдвинутый зачем-то на середину комнаты, громоздился своим прямоугольным фанерным туловищем на четырех тонких ножках, растопыренных в разные стороны, словно из последних сил выносивших тяжесть допотопного электроприбора. Его внутренности были вынуты и разбросаны по полу. Выцветшая штора, цеплявшаяся за карниз последней прищепкой, довершала вид уныния и тоски. Часы на стене не тикали. В глубине комнаты прятал угол старый, доставшийся по наследству трельяж с потемневшими, бледными зеркалами, под зажим которых была воткнута цветная, с меленьким рубчиком по краю, фотография улыбающегося молодого человека в бронежилете, высоких берцах и камуфляжной фуражке с козырьком. На столе в беспорядке валялась бумага. Серафима подошла к столу. Наклонилась. На одном листе прочитала: «Дорогой сын! Я давно хотел тебе написать...». Густо зачеркнуто. На другом: «Сынок, я не верю, что без вести...». И опять все перечеркнуто. Рядом – кипа скомканных листов. Развернула. Прочитала еще: «Я писал самому...», «Ты обещал, что вернешься...». Наполовину початая бутылка. Рядом – целый редут опустошенных. Пепельница – давно через край. Она вздохнула. За стеной соседи включили музыку. Чьи-то детские пятки пронеслись через всю комнату. Кто-то захохотал. Серафима подошла к окну. Остановилась. Заметила, что на подоконнике, безнадежно обвиснув по стенкам глиняного горшка, засох ее долгожитель-декабрист. Она потрогала его обмякшие, сморщенные листочки и с горечью выдохнула: не нужен больше никому. Посмотрела вниз, во двор – на растянутые через баскетбольное поле веревки с высушающими пододеяльниками, на человека, выгуливающего боксера. На детскую площадку с копающимися в песочнице детьми. Неторопливо разделась и принялась за работу. Вымыла окно. Перевесила занавеску. Постирала белье и поставила вариться мясо на суп. Со стола убрала и исписанную бумагу, и бутылки. В целлофановых мешках вынесла все к мусоропроводу. Тщательно вымыла полы.

К вечеру комната задыхалась уютом и теплом. Серафима села передохнуть и вытянула отекающие, налитые металлом ноги. Осмотрелась. Усердно вытерла рукавом раскрасневшееся, потное лицо. И не заметила, как, привалившись к спинке дивана, тут же поплыла в какой-то мутный, усталый сон, в котором было все, как и прежде: и жаркое лето, и поблескивающий на солнце размягченный асфальт, и пухлые детские ножки в сандаликах, шагающие неровно, неуверенно по дороге. Серафима протягивала руки вперед и радостно говорила:

– Сынок, сынок!

Но кому именно она это говорила, Серафима не могла разобрать, потому что уже не помнила во сне, был ли у нее сын вообще. Пыталась припомнить. Но не могла. А когда наконец коснулась руками, то почувствовала не детские пухлые ножки, не ребенка, а что-то огромное и жесткое. Присмотревшись, увидела скуластую голову и шершавые, розовые ноздри большого зверя, который почему-то растягивал губы и, обнажая крепкие желтые зубы, заходил в громком и неприятном ржанье. Она испуганно вскрикнула. И от этого крика проснулась. Разлепила глаза. Рядом с ней сидел старик, выцветший и иссохший. Он рассматривал спящую Серафиму. А теперь, когда она внезапно проснулась, отвел глаза.

Она уже не помнила, как случилось, что этот старик так стремительно поблек, так незаметно растерял все то, что она в нем когда-то любила. Наверняка он и сам не помнил, растворившись в чередě одинаковых дней своего ожидания. И когда никто уже ничего не ждал, он продолжал яро упрямяться, ждал звонков, каждый день ходил в пункт отправления и прибытия. И в этом своем изнеможенном сопротивлении, своей бессмысленной силе он кромсал и ранил все, что жило еще вокруг, что было еще неубитым. И ничего нельзя было с этим поделать. Совсем больше ничего.

Она покормила его горячим супом. дождалась, пока он доест. Вымыла всю посуду. Вытерла со стола. Потом они молча сидели на кухне. Друг против друга. Смотрели, как за окном заваривались густые сумерки. День таял. Голоса, переключившиеся на детской площадке, утихли. Соседи за стеной смотрели телевизор, беспорядочно переключая каналы. Кто-то пустил воду в ванной. Кто-то звякал посудой и сердито кого-то звал. Серафима поднялась и пошла одеваться. Вязаная кофта, куртка. Шапку достала с верхней полки в прихожей – не забыть. Обулась в сапоги. Перекинула через плечо холщевую сумку. Осмотрелась еще раз. Остановила взгляд на старике. Но недолгий. Молча вышла и заперла дверь квартиры своим ключом.

На Павелецкий она добралась позже нужного. Опоздала на электричку. Поэтому следующую пришлось дожидаться еще час. Убивая время, она купила себе в привокзальном киоске засохший сочник и банку холодной фанты. Неторопливо перекусила и пошла на платформу. В вагоне опять оказалась одна. На последней по расписанию не ехал уже никто. Где-то на Сортировочной к ней подседа подвыпившая компания – совсем молодые, красивые. По очереди они опрокидывали в себя бутылку с каким-то вином и хохотали то ли друг над другом, то ли над чем еще. Через две станции они вышли, и Серафима облегченно закрыла глаза. За окном было сумеречно. Она смотрела в слепое окно так, как будто впервые увидела свое отражение и теперь с удивлением рассматривала.

Электричка выпустила Серафиму на нужной станции. Она пошла привычной дорогой – мимо почти всегда темных окон новых кирпичных дач, обогнула край дубовой рощи, выбралась на бетонку с линией электрических фонарей. И, уже миновав последний деревянный дом, вдруг вспомнила о корове, которая утром мычала и маялась. Но теперь, должно быть, уже родила, накормила и вылизала своего теленка, на шатких ножках, ребенка. Серафима остановилась. Прислушалась. Было тихо. Она представила, как корова и ее сын уже спят в своем добротном хлеву, отдыхая от трудного дня, как вздыхают в своих медленных, легких снах. И хозяин спит. И семья его тоже. Серафима беспомощно обернулась. Было уже совсем темно. Посетовала на себя: надо было из Москвы возвращаться пораньше. Студеный вечерний воздух начинал уже забираться под одежду, морозить и руки, и лицо. Измученные, больные ноги нестерпимо гудели. Она добрела до конца бетонки и

вышла в поле, над которым стелился сырой и плотный туман. Оставалось пересечь это поле и – до дома рукой подать. Серафима шагнула вперед и провалилась в слепую, молочную густоту тумана.

И тут ей вдруг показалось, что в такой густоте она потеряется. Позабудет, словно по чьей-то злой ворожке, куда ей идти. Сырая, колючая морось лезла в уши и нос. Дышать стало тяжелее. Серафима остановилась и стала озираться. Туман обнимал со всех сторон. Она вытащила из сумки мобильный, хотела им посветить. Но батарейка уже села. Подумала: сделай она еще хоть один неверный шаг, и уйдет совсем в другую сторону. А выберется ли вообще из этого тумана? А может, и не туман это вовсе, а какое-то другое, неизвестное ей пространство, и она забрела в него по ошибке? Серафима опасливо потопталась на месте. Понимание того, что сбилась с дороги, нарастало. Куда идти? Туда? Или туда? А может, вообще в обратную сторону? Но даже если она, не сворачивая, двинется в каком-то выбранном направлении, придет ли она туда, где ее ждали? А если нет? Если останется здесь навсегда? Если замерзнет, сгинет?

Обмякнув, Серафима присела на корточки, а потом и вовсе подкосилась на ватных, пылающих ногах и повалилась на стылую, перепаханную под озимые землю. И так ей в этой слепоте, этом безвременье стало больно, так стало себя жаль, что Серафима вдохнула, сколько смогла, сырого, студеного тумана и заревела, заголосила посреди пустынного поля, как деревенская утренняя корова, зашла в своем вырвавшемся наружу горе – по-звериному низко, гортанно.

Очнулась только тогда, когда, задеревенев от вечернего заморозка, вдруг почувствовала в своей слабой, отброшенной в приступе руке что-то шершавое. Она открыла глаза. Прямо из тумана над ней нависала огромная гривастая голова коня. По раскрытой ладони Серафимы елозил трепетный, теплый язык. Большие, глубокие ноздри зверя потянулись к заплаканному лицу Серафимы, и он начал жадно слизывать соль. Закончив свою работу, конь поднялся над Серафимой и замер. Она протянула к нему руку. Погладила. Тихо спросила:

– Почему ты один? Ты тоже кого-то потерял?

Конь нетерпеливо замотал головой и попятился. Серафима поднялась кое-как на ноги и заторопилась за ним, увязая на сырой, рыхлой пашне. Но конь уходил от нее все дальше и дальше, пока не исчез совсем.

Из тумана она выбралась уже одна. Неожиданно, как и вошла в него. Огляделась. Знакомая дорога была совсем рядом. Получалось, что от правильного пути она отклонилась совсем немного – шагов на десять. Значит, белый конь вывел ее куда нужно.

Вконец окоченевшая, она добралась домой к ночи. В соседских окнах давно уже не горели огни. Только в одном еще теплился тусклый медовый свет. Ее ждали. Серафима протянула руку и легонько, но настойчиво стукнула по стеклу, за которым горбатая желтая старуха, оторвавшись от чтения, вопросительно уставилась в черный квадрат окна. Догадавшись, что с другой стороны – Серафима, что она наконец пришла, старуха кивнула одобрительно головой, утянутой под подбородком черным платком, и, успокоившись, вернулась к чтению.

Серафима поднялась к себе. В комнате хотела еще стянуть с себя куртку, но руки настолько одеревенели от холода, что она как была, так и повалилась, не разбирая постели,

вытянула больные ноги. На лице ее жило еще воспоминание о теплом зверином языке. Она улыbnулась в темноте и накрыла глаза ладонью.

Ее повело, закрутило дремой. И там, в глубине сна, было опять и лето, и зной, и шагающие по размягченному асфальту пухлые детские ножки в сандаликах. А потом такие же сандалики она увидела почему-то в густой луговой траве на разметавшихся тут и там в бледном, густом тумане людях – то ли спящих, то ли захмелевших, то ли каких еще. Она так и не успела это понять, потому что к тому моменту проснулась.

Услышала, как гулко ударил колокол. Проглотила тяжелый, горький комок, образовавшийся у нее в горле, пока во сне она кого-то звала, а этот кто-то не отозвался. Серафима откинула ватное одеяло и опустила ноги, пульсирующие от боли, на стылый пол. Оперлась рукой о грядущку. Тяжело поднялась. На ощупь пошла по спящему дому. Возле угла наклонилась, поплескала ладонями на лицо из цинкового ведра. Глубоко вздохнула. Колокол ударил снова. На этот раз настойчивей и призывней. Серафима торопливо оделась, повязала на голову платок и вышла из комнаты.

На воздухе, сыром и колючем от утренней свежести и тающего тумана в полях, стало полегче. Она оглядела двор. Все тут было простым и понятным. Сестры уже потянулись к воскресной заутрене.

июнь, 2024